

ЛИТЕРАТУРА

Публикации аспирантов

УДК 82;316.3

Капралова И.Г.

Московский государственный областной университет

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ П.Ю. ЛЬОВОА («БОЯРИН МАТВЕЕВ»)

I. Kapralova

Moscow State Regional University

THE HISTORICAL NOVEL BY P. LVOV (“BOYAR MATVEEV”)

Аннотация. В статье рассматривается творчество малоизученного русского писателя конца XVIII – начала XIX в. Павла Юрьевича Львова (1770 – 1825). На примере повести «Боярин Матвеев» сделаны выводы о своеобразии понимания исторической памяти, воспитательной и образовательной роли литературы, о специфике историзма в русской повести рубежа XVIII – XIX в. В статье проанализированы связи повести Львова с традициями прозы Н.М. Карамзина (повесть «Наталья, боярская дочь»), установлены факты сближения и расхождения авторов.

Ключевые слова: историческая повесть, историзм, П.Ю. Львов, литература и история, сентиментализм, предромантизм.

Творчество Павла Юрьевича Львова (1770 – 1825) редко привлекало внимание литературоведов [4, с. 187-189], [6, с. 50-56]. В основном к нему проявляли интерес исследователи Н.М. Карамзина и развития русского сентиментализма на рубеже XVIII – XIX вв. [3, с. 8-12].

Однако отношение основоположников сентиментальной поэтики в России, Н.М. Карамзина и И.Д. Дмитриева, к литературным опытам Львова было сложным и в целом отрицательным (так, Карамзин, называя Львова «львёнком», в письме к Дмитриеву утверждал, что

Abstract. The article considers the creativity of poorly known Russian writer of the end of the 18th – beginning of the 19th century. Pavel Lvov (1770 - 1825). On the example of the novel «Boyar Matveev» the conclusions are made about the peculiarity of understanding of historical memory, cognitive and educational role of literature on the specifics of historicism in Russian stories of the turn of the 18th - 19th centuries. The paper analyzes the connection between the Lvov's story and N. Karamzin's traditions of prose (story «Natalia, Boyar's daughter»), the facts of convergence and divergence of the authors.

Key words: historical novel, historicism, P. Lvov, literature and history, sentimentalism, romanticism.

главным несчастьем его было «написать «Памелу», «Храм бессмертия» и проч.» [5, с. 28]). Поэтому Львов довольно скоро выпал из круга писателей-карамзинистов, сблизившись с представителями «Беседы любителей русского слова». Творческая эволюция писателя в направлении от «новаторства» к «архаизму» в значительной мере объясняет и специфику жанра исторической повести в его творчестве.

Как автор исторических повестей, Львов стремился, с одной стороны, подобно карамзинским повестям «Наталья, боярская дочь» и «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», воспроизводить чувства, переживания, эмоциональную жизнь людей прошлого, но, с другой стороны, автор стремится насытить свои исторические повести поучительным, дидактическим содержанием, подчеркнуть значение патриотических мотивов в поведении своих героев. Так сентименталистская чувствительность заменялась более рациональным началом; таким образом, Львов как автор исторических повестей возвращается к основополагающим принципам литературы классицизма.

Ярким примером такой эволюции творческого метода писателя может служить повесть «Боярин Матвеев» (1815) [1], позднее включённая П.Ю. Львовым в цикл под названием «Достопамятные повествования о великих государях и знаменитых боярах XVII века» (1821). Автор обращается здесь к той же исторической эпохе, что освещалась в повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Однако его интересует не глубокая эмоциональная жизнь русских людей той поры, а именно патриотический «урок», который способна дать потомкам судьба боярина Артамона Матвеева.

Любопытно, что, определяя цель своего повествования, автор в данном случае обращается к разнородной аудитории: наряду с русскими людьми, которые должны познавать историю своего отечества, писатель адресуется и к иностранцам, суждения которых о России часто бывают однобокими и неосновательными. Львов с негодованием

и прискорбием пишет об оскорбительных суждениях иностранцев, будто бы Россия до XVIII века была во мраке невежества и россияне были грубыми варварами. В связи с этим писатель видит свою цель в том, чтобы раскрыть истину, обратившись к истории древности, вспомнив о просвещении, мудрых законах, о победах в сражениях, славных государях, богатстве разума и силе духа, доблести русского народа. Львов убеждает читателей в том, что и до XVIII века в России были великие люди, которые своими добродетелями даже превосходили чужеземцев, и приводит в пример одного из них – русского боярина Артамона Сергеевича Матвеева. На примере его жизни, прославленной знаменитыми делами, оставшимися в памяти потомства, Львов хочет опровергнуть ошибочные мнения иностранцев о русских.

Подобная цель повествования, очевидно, обрела особое значение в пору сразу после Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. Львов-повествователь в своих художественных поисках оказывается близок тем патриотическим настроениям, которые владели тогда русским обществом, и таким образом историческая тема в его сознании оказывается напрямую связана с современными чаяниями и надеждами, что в целом соответствовало традиции исторических «применений» в поэтике классицизма.

Автор обращается к XVII веку, к периоду царствования Алексея Михайловича, когда жил боярин Матвеев. Много полезных дел исполнил он для общества, много совершил подвигов. По мысли Львова, боярин Матвеев соединил в себе достоинства Сюлли, Кольбера, кардинала Ришелье, – столь значительные исторические примеры становятся в повести не только средством характеристики героя, но и подчёркивают своеобразную «вневременность» его деяний, которые потому и способны стать для потомков уроком гражданственности.

Важнейшей составной частью этого «урока» становится патриотизм героя. Матвеев

посвятил себя служению отечеству, не тратя времени на странствования по чужим землям, – с точки зрения Львова, это было одной из причин его величия. Подобная мысль в повести явно оказывалась связана с традициями критики галломании, унаследованной русской литературой начала XIX века от русской сатиры века XVIII-го. Не случайно в повести поднимается вопрос образования и воспитания. Перечислив многие заслуги Матвеева перед Отечеством, автор задаёт вопрос, что сделало его таким, и сам отвечает: русское воспитание, далёкое от всех иностранных нововведений последующих веков: «Боярин Матвеев доказал своим примером, что русское родительское воспитание может достаточно наделять отечество великими людьми» [1, с. 26].

Развитие сюжета повести подчинено хронологическому порядку жизнеописания боярина. Из повести мы узнаем, что он был сыном вельможи, в юности поступил на службу и прошёл все чины, участвовал в походах, был на приступах многих городов с полководцами и воеводами, победил Гетмана Потоцкого, прогнал Хана Крымского. Во время, когда русские воины терпели урон от неприятеля, Матвеев военным искусством спасал полки от гибели. Во всех своих делах он проявлял быстроту ума и бодрость духа, «блистал повсюду своими достойными удивления дарованиями» [1, с. 10]. Он дослужился до полковников и стольников, но в ратном сражении был изувечен: «кости его были сокрушены, и кровь его, как вода, пролита была за Царя и отечество» [1, с. 10]. На гражданской службе Матвеев также был благодетелем отечества. Своей мудростью и старанием он привёл в подданство царю Алексею Михайловичу Богдана Хмельницкого со всем его воинством, «обнимал своим неусыпным созерцанием все вверенные его попечению области» [1, с. 11]. Он пресекал все возмущения в Коломенском, в Путивле, в Переяславле, предупреждал многие напасти, везде водворял добро и порядок, благоразумием сумел сберечь много денег царю, ис-

требил самозванца. Боярин Матвеев спасал отечество от злоумышлений врагов и бед. Именно он подверг сомнению мирный договор с Польшей и тем самым спас Россию от беды, своими суждениями обличил шведского посла в неправде.

Львов отмечает, что именно боярин Матвеев был восстановителем величия царского титула, чествовал царя в грамотах и письмах титулом величества, требовал от всех послов Европы, чтоб они с благоговением входили в царский чертог. Он заботился о благе отечества, составил три книги: описание вида, титула и печати самодержцев России и государей других стран; об избрании на царство Михаила Фёдоровича; описание побед, одержанных в разные времена российскими князьями и царями. Монетный двор, порученный царём, он вывел из упадка и обогатил царство серебряной монетой. Учредил заведения, выгодные царской казне, доходы от которых использовал для украшения столицы, для мастерской палаты и царского двора, на содержание приказов.

Львов пишет: «Боярин Матвеев обращает на себя удивление потомства со всеобщим почтением; ибо к чести и славе времени своего и звания доказал он приснопамятными отечеству заслугами, что может сделать в своей земле муж ума глубокого и прозорливого, души твёрдой и великой» [1, с. 18], «дела его, подражания достойные, изображают его благородное свойство» [1, с. 18-19].

«Боярин Матвеев был всегда блюститель истины и верный исполнитель законов; строгий хранитель чистейшего благонравия и взыскательный судья самого себя. Как в словах, так и в делах своих, всегда справедлив, скромн, точен, одинаков. Он сохранил свойственную воину умеренность, искренность и простоту в поступках. Он не терпел роскоши, ласкательства, надменности и праздности. Самым постоянным трудолюбием занято было время его. Каждый день, каждый час жизни его были драгоценны отечеству» [1, с. 19]. На всех его делах «изображалась печать мудрости». Он был «судьёй правосудным и

судьей милосердным» [1, с. 20] и заслужил любовь народа своей доступностью, приветливостью, кротостью. Матвеев прославился своей щедростью, хлебосольством и любовью к народу. Он помогал бедным и убогим, угощал старцев, отличившихся почетом в народе. «Отечество имело в нём – сына усердного, царь – друга верного, церковь – сущего христианина» [1, с. 25].

В конце своего повествования Лвов задумывается о почитении русским народом своего вельможи. Такие люди, как Матвеев, при жизни должны получать награды, достойные их заслуг, считает автор. И Матвееву удалось дожидаться подобного признания: в знак любви и благодарности к боярину народ принёс ему драгоценные надгробные камни с гробов отцов и дедов своих для строительства дома, не взяв денег и подарков взамен. Так был воздвигнут «чертог доблести», какого не было никогда и ни у кого.

«О великий муж! честь сынов России! твоё жилище есть лучший памятник заслуг твоих и превосходит все памятники, сколько их ни было на земном шаре» [1, с. 35]. Подвиг русского народа, по мнению Лвова, и есть лучшее свидетельство его великодушия.

Таким образом, определяющей особенностью творческой эволюции П.Ю. Лвова как автора исторических повествований может считаться движение к дидактизму,

развитие патриотических мотивов, стремление сочетать интерес к личности с типично классицистической темой прославления государства и государственности. Историзм Лвова условный – в духе классицизма писатель ищет в прошедших веках не «духа эпохи», а то, что сближает их с современностью, в которой живут предполагаемые читатели. Художественная неоднозначность исторического повествования Лвова позволяет лучше понять как специфику творческого метода самого писателя, так и богатство и разнообразие литературной ситуации рубежа XVIII – XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лвов П.Ю. Боярин Матвеев. Сочинение Павла Лвова, члена императорской российской академии и Беседы любителей русского слова. – СПб, Типография Правительствующего Сената, 1815. – 36 с.
2. Зорин А., Немзер А. Парадоксы чувствительности // Столетия не сотрут. – М., 1989. – С. 7–54.
3. Кочеткова Н.Д. «Бедная Лиза» Карамзина и «Даша, деревенская девушка» П.Ю. Лвова // От Карамзина до Чехова. – Томск, 1992. – С. 8–12.
4. Орлов П.А. Русский сентиментализм. – М., 1977. – 268 с.
5. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб, 1866. – 718 с.
6. Царева В.П. Роман П.Ю. Лвова «Российская Памела...» // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. [Вып. 3]. – Л., 1978. – С. 50–56.